

I.

Нѣсколько флорентійскихъ гражданъ, желая для своей собственной пользы и на пользу другихъ, стремящихся къ добродѣтели, равно какъ и своихъ дѣтей и потомковъ, научиться въ книгѣ Данте ¹⁾ (ибо и людей неученыхъ ²⁾ она можетъ наставить, какъ избѣгать пороковъ и преуспѣть въ добродѣтеляхъ, и изощрить въ краснорѣчїи), обращаются къ прїорамъ цеховъ и гонфалоньеру ³⁾ флорентійскаго народа и общины съ почтительной просьбой: позаботиться и постановить, чтобы избранъ былъ достойный и ученый мужъ, основательно знакомый съ наукой поэзи ⁴⁾, который въ теченїи извѣстнаго времени, не болѣе года, прочелъ бы во Флоренціи для всѣхъ желающихъ рядъ лекцій по неспраздничнымъ днямъ ⁵⁾ о книгѣ, обычно называемой «Данте» ⁶⁾—за вознагражденіе, какое вы положите, впрочемъ не свыше ста золотыхъ флориновъ въ годъ, и при условїяхъ ⁷⁾, какія вы найдете нужными. Казначей означенной общины выдадутъ избранному слѣдующій гонораръ изъ городской казны

1) Instrui in libro Dantis.

2) Non grammatica.

3) Di giustizia.

4) In hujusmodi poesis scientia bene doctum.

5) Diebus non feriatis.

6) El Dante, т. е. Божественная комедія. Сл. въ томъ-же значенїи: *книга Данте* у Петрарки (сл. выше стр. 282, 288); «il mero libro di Dante» въ сонетѣ Quirini у S. Morpurgo, *Bullettino d. Società Dantesca italiana*, v. I, fasc. 7, стр. 137.

7) Cum modis, formis, articulis et tenoribus.

въ два срока или двѣ части ¹⁾), первую въ концѣ декабря, вторую въ концѣ апрѣля, безъ всякихъ вычетовъ ²⁾).

Просьбу эту обсуждали означенные господа пріоры и гонфалоньеръ вкупѣ съ комиссіями цеховыхъ гонфалоньеровъ и двѣнадцати «свѣдущихъ людей» ³⁾ флорентинской коммуны, и собравшись въ достаточномъ числѣ въ ея палатѣ (думѣ), тайной подачей голосовъ 9-го августа 1373-го года отъ воплощенія Господа нашего, индикта XI, рѣшили: принять означенную просьбу и все, въ ней показанное, исполнить въ точности.

Таковъ документъ, которымъ учреждалась первая въ Италіи каведра для толкованія «Божественной Комедіи» ⁴⁾. Изъ числа подававшихъ голоса 186 человекъ положили черные шары, то-есть, говорили за; протестующихъ было всего 18. Чтецомъ былъ приглашенъ 25-го августа—Боккаччо, едва оправившійся отъ болѣзни ⁵⁾; мѣсто чтеній — небольшая церковь св. Стефана. Боккаччо вступилъ въ должность 18-го октября; 31-го декабря 1373-го года ему выплачена первая доля его гонорара, пятьдесятъ флориновъ; въ генварѣ 1374-го года внезапно прервались его чтенія: онъ прочелъ всего 59-ть лекцій, 60-ая прекращается на полусловѣ, на объясненіи Inf. XVII, v. 17: non fer mai d'arpi Tartari nè Turchi. Онъ началъ толковать: Татары. . . . ⁶⁾ — и на этомъ остановился. Въ письмѣ къ зятю Петрарки, Франческо да Броссано, отъ 3-го ноября 1374-го года, онъ говоритъ, что прошелъ уже десятый мѣсяць съ тѣхъ поръ, какъ его, читавшаго тогда о Божественной комедіи, посѣтила болѣзнь, затяжная и докучливая, хотя и не опасная ⁷⁾).

1) In duobus terminis seu paghis.

2) Sine ulla retentione gabelle.

3) Buoni uomini.

4) Сл. Gherardi, Statuti della università e studio Fiorentino, Appendice di Documenti, parte I, стр. 160—2, № LVII; Isidoro Del Lungo, Dell'esilio di Dante, стр. 168—9.

5) Сл. его письмо отъ 12—28 августа, выше стр. 541 слѣд.

6) Sono i tartari.

7) Magis longa atque taediosa, quam discrimine aliquo dubio aegritudo oppressit. Corazzini, стр. 378 слѣд.

Выборъ Боккаччо на должность истолкователя Божественной Комедіи не удивителенъ: онъ давно былъ ея глашатаемъ, его «книжка» ¹⁾ о Данте извѣстна. Вмѣстѣ съ тѣмъ и избраніе и самая затѣя кафедры вызываютъ рядъ вопросовъ, тѣсно связанныхъ съ флорентійскими отношеніями Боккаччо и судьбами флорентійскаго гуманизма въ 60—70-хъ годахъ XIV-го столѣтія. Божественная Комедія уже успѣла найти толкователей непосредственно по смерти Данте: съ 1321-го по 1341-й годъ являются попытки комментаріевъ, начиная съ Якопо Алигьери и *ser Grazioso* до Якопо делья Лана и второго сына Данте, Пьетро. Трудность текста, загадочность его аллегоризма, богатство иносказаній — все это требовало объясненій; но отъ частныхъ комментаріевъ, удовлетворявшихъ любознательности относительно немногихъ, до публичныхъ чтеній на пользу всѣхъ желающихъ — большой шагъ. Онъ предполагаетъ въ интеллигентныхъ сферахъ, на него рѣшившихся, извѣстное настроеніе въ смыслѣ дантофильства, которое является вмѣстѣ съ тѣмъ показателемъ умственныхъ теченій.

Мы знаемъ, что дантовская партія существуетъ, обособленная одностороннимъ движеніемъ гуманизма, что Данте начинаютъ противопоставлять Петраркѣ ²⁾. Гуманизмъ въ своей латинской одеждѣ и съ своими античными вкусами, сторонится отъ толпы, Данте спустился на площадь и въ таверны, и его этическое содержаніе, истолкованное умнымъ человѣкомъ, доступно и для нелатинниковъ. Такъ раздѣлились въ литературѣ аристократическое и демократическое теченія, съ различной общественной и религіозной окраской. Гуманисты слишкомъ серьезно увлекались содержаніемъ язычества, чтобы не возбудить сомнѣній; Боккаччо пришлось отбиваться отъ нихъ, и легко предположить, что онъ нашелъ себѣ противниковъ во Флоренціи; флорентійцы были и тѣ зоилы, которые злобно разобрали отрывокъ Африки, нападая на Петрарку его-же оружіемъ ³⁾. Многое говоритъ за то, что для чистокровнаго гуманиста Флоренція не представляла тогда удоб-

1) Trattatello.

2) Сл. выше стр. 285 слѣд.

3) Сл. выше стр. 468.

ной почвы. Ея поэты, современники послѣдней боккачьевской поры, соединяють культъ Данте, Петрарки и Боккаччо съ средне-вѣковой учительностью, какъ у Торинни, петраркизуютъ, какъ Чино Ривуччини, или развиваютъ и свой собственный стиль, стиль здороваго буржуазнаго реализма, на которомъ лежитъ печать новеллы и патриотической завязоты; таковы Пуччи, Саккетти, Орканья. Они, въ сущности, показатели своеобразнаго, мѣстнаго литературнаго развитія, отвѣчавшаго внутреннему росту флорентійской коммуны; они слишкомъ мѣстны, провинціалны и на столько далеки отъ отвлеченныхъ задачъ гуманизма. Въ такой средѣ ему собственно негдѣ развиться; молодые гуманисты выѣзжаютъ, живутъ или жили въ Флоренціи: Заноби, Нелли, Франческо Бруни, Салутати; говоря (послѣ 1361-го года) о Петраркѣ и Заноби, Маттео Виллани выражается объ ихъ твореніяхъ, что ихъ пріятно послушать, но что съ точки зрѣнія *богословской* мудрые люди не ставятъ ихъ ни во что¹⁾. Это освѣщаетъ положеніе. Къ университету²⁾, куда когда-то желали привлечь Петрарку, горожане относились неряшливо, какъ денежной обузѣ, такъ что правительство должно было напомнить имъ (въ 1357 году), что онъ честь и украшенія города. На классической кафедрѣ чередуются случайныя или неизвѣстныя имена: въ 1360-мъ году читаетъ реторику Франческо Бруни, вскорѣ удалившійся на службу при папской куріи; въ 1366—7-мъ — флорентійскій нотаріусъ *ser Michele de Loga*; въ 1368-мъ — магистръ Джованни Конверсино изъ Равенны, въ 1368—9-мъ — флорентійскій гражданинъ, профессоръ риторическаго искусства, Варроломей, сынъ Якова³⁾. Какъ разъ въ эти годы Боккаччо, за исключеніемъ нѣкоторыхъ дѣловыхъ поѣздокъ, находился во Флоренціи; не звали его на гуманистическую кафедру, или онъ самъ устранился отъ нея, или считалъ себя изолированнымъ? Его покровители — неаполитанцы, дома о немъ вспомнили не какъ о гуманистѣ, а когда затѣяли публичныя толкованія — Божественной комедіи.

1) Matteo Villani, V, 26.

2) Studio.

3) Bartholomeus Jacobi. Сл. Gherardi, l. c. стр. 297, 315, 319, 333, 336.

Онъ взялся за дѣло рьяно. У него была любовь къ предмету, подъ руками матерьялы дантовской біографіи, умѣнье вращаться въ аллегорическихъ тонкостяхъ, громадный запасъ свѣдѣній, необходимыхъ для комментаріевъ, былъ на-готовѣ въ Генеалогіяхъ боговъ, въ книгахъ о великихъ женщинахъ и мужахъ, въ Географическомъ словарѣ¹⁾. Все это переселилось въ его чтенія; часто онъ начинаетъ рассказъ и обрываетъ его помѣткой: и такъ далѣе; онъ могъ досказать его по готовымъ текстамъ²⁾. Его чтенія, въ сущности, концептъ, разработанный неравномѣрно, но по строго продуманному плану: онъ напередъ распредѣлил матерьялъ толкованій; встрѣчаясь съ извѣстнымъ сюжетомъ, ихъ вызывавшимъ, онъ замѣчаетъ напр., что поговорить о немъ подробно въ другомъ мѣстѣ, по поводу такой-то пѣсни. Такія ссылки впередъ встрѣчаются и у другихъ комментаторовъ; у Боккаччо нерѣдко и на такія части Божественной Комедіи, которыя ему не удалось болѣе истолковать³⁾.

Вступительная лекція начинается моленіемъ о Божьей помощи и комплиментомъ флорентинцамъ: это было своего рода *captatio benevolentiae*, которую заглушаютъ въ послѣдствіи громы откровенныхъ обличеній. Боккаччо сознаетъ трудность затѣи: онъ непонятливъ и скудоуменъ⁴⁾, память у него слабая, онъ знаетъ, что беретъ на себя непосильный трудъ: объяснить хитроумный⁵⁾ текстъ, множество рассказовъ и высокій смыслъ, скрытый подъ поэтическимъ покровомъ Комедіи нашего Данте — и притомъ

1) Присоединимъ къ этому нѣсколько новеллъ Декамерона о лицахъ, упоминаемыхъ въ Божественной Комедіи (сл. выше т. I, стр. 462), напр. новеллу о Кавальканти (VI, 9); рассказъ о мадоннѣ Чангеллѣ въ Корбаччо (сл. выше стр. 84) и дантовскія аллегоріи въ Генеалогіяхъ (сл. выше стр. 835—6).

2) Ed. Milanese I, 160, 463, 465: здѣсь надо рассказать объ обычаяхъ бдѣнія въ храмахъ, и какъ принесли его сюда Марсельцы, и откуда онъ пошелъ; 467; II, 176: здѣсь надо рассказать басню Пронапида о происхожденіи фатъ.

3) L. c. I, 101, 118, 120, 143, 218, 236, 442, 480; II, 6, 21, 25, 57, 58, 160, 166, 177, 225, 257, 280, 282, 366, 389, 429, 455.

4) *Intelletto tardo, lo ingegno piccolo.*

5) *Artificioso.*

истолковать людямъ столь глубокаго пониманія и удивительнаго остроумія ¹⁾, какими обладаете вы, господа флорентійцы. Боккаччо не надѣется на свои силы и потому вызываетъ словами *Виргилія*:

*Iupiter omnipotens, precibus si flecteris ullis,
Aspice nos; hoc tantum; et si pietate meremur,
Da deinde auxilium, pater.*

Прежде, чѣмъ обратиться къ разбору поэмы, Боккаччо хочетъ выяснитъ нѣсколько общихъ вопросовъ, ея касающихся, каковы: 1) предметъ поэмы, 2) ея заглавіе, 3) ея философія. То, что мы обозначили словомъ «предметъ», лишь отчасти отвѣчаетъ выраженію *causa*, которыя съ своей стороны подраздѣляются по категоріямъ сюжета ²⁾, формы ³⁾, автора ⁴⁾ и цѣли ⁵⁾. Сюжетъ двойной, ибо соединяетъ дословное значеніе съ иносказательнымъ. Съ точки зрѣнія перваго поэма изображаетъ посмертную участь душъ, съ точки зрѣнія аллегоріи она представляетъ, какимъ образомъ человекъ, въ силу своей свободной воли возвышаясь или падая, повиненъ возмездію награды или наказанія. — Вопросъ о формѣ касается внѣшняго дѣленія поэмы на три кантики, пѣсни, терцины — и поэтическаго стиля; авторъ — Данте, конечная цѣль поэмы: побудить людей выйти изъ бѣдственнаго состоянія къ состоянію блаженства ⁶⁾.

Переходя ⁷⁾ ко второй изъ поставленныхъ имъ рубрикъ, заглавію поэмы, Боккаччо разбираетъ понятіе *cantica* съ точки зрѣнія ея музыкальнаго пониманія и устраняетъ сомнѣнія тѣхъ, которымъ названіе комедіи казалось не подходящимъ. Они говорили, что содержаніемъ комедіи, по смыслу самаго слова,

1) *D'alto intendimento e di mirabile perspicacità.*

2) *Materiale.*

3) *Formale.*

4) *Efficiente.*

5) *Finale.*

6) *Milanesi I, стр. 79—82.*

7) *L. c. стр. 82—91.*

являются низменные лица и отношенія, чему поэма не отвѣчаетъ; что и стиль комедіи такой-же низменный, чего тоже нѣтъ, потому что хотя Данте писалъ и на народномъ языкѣ, на которомъ говорятъ бабенки ¹⁾, но писалъ высокимъ стилемъ. Я не отрицаю, прибавляетъ отъ себя Боккаччо, что если бы то-же содержаніе выражено было въ латинскихъ стихахъ, оно явилось бы болѣе художественнымъ и возвышеннымъ, ибо и латинская рѣчь художественнѣе ²⁾ современной народной.—Интересно, какъ поставленъ въ послѣднемъ трудѣ Боккаччо вопросъ объ отношеніяхъ обоихъ языковъ, столь существенный въ литературной исторіи гуманизма. Въ извѣстномъ посланіи къ Петраркѣ Боккаччо говорилъ, что если Данте предпочелъ народные метры, то не по незнанію латинской рѣчи ³⁾; въ біографіи Данте избраніе имъ итальянскаго языка объясняется тѣмъ, что гуманистическій интересъ и знаніе латыни находились въ упадкѣ у людей власти имущихъ, меценатовъ ⁴⁾—и этотъ аргументъ повторяется и въ комментаріи ⁵⁾; въ той-же біографіи итальянскій языкъ названъ, по сравненію съ латинскимъ, некрасивымъ, неизящнымъ ⁶⁾—какъ и въ комментаріи читаемъ, что блестящія достоинства Данте тускнѣли во мракѣ народной рѣчи ⁷⁾, а знаменитые *versi strani* толкуются, какъ итальянскіе, ибо до Данте никому не приходило въ голову писать о подобныхъ матеріяхъ иначе, какъ по латыни ⁸⁾. Вспомнимъ еще выраженіе Генеалогій Божьихъ: о Божественной Комедіи, написанной художественно, — *хотя* и на народномъ языкѣ ⁹⁾. — Данте прославляется постоянно,

1) *Le femminette*.

2) *Molto più d'arte e di gravità*.

3) Сл. выше стр. 279.

4) Сл. выше стр. 312—13.

5) I, 102.

6) *Sozzo*, сл. выше стр. 296.

7) II, 428: *la luce del cui valore per alquanto tempo stata nascosa sotto la caligine del volgar materno*.

8) II, 172.

9) Сл. выше стр. 334.

какъ великій художникъ итальянскаго слова ¹⁾, но это не умаляетъ преимуществъ латинскаго, а только возвышаетъ славу того, кто съ меньшими средствами достигъ великаго. Для народной рѣчи просить лишь одного: снисхожденія; Беатриче обращается къ мантуанцу Виргилю на своемъ языкѣ, то-есть, на флорентійскомъ, поучая насъ такимъ образомъ, что безъ особой необходимости не слѣдуетъ оставлять родного языка для какаго-нибудь другого ²⁾.

Были и другія замѣчанія на счетъ неумѣстнаго обозначенія дантовской поэмы комедіей: въ поэмѣ не проведенъ принципъ діалога, много вводныхъ разсказовъ, содержаніе дѣйствія не вымышленное, ибо кара грѣшниковъ и награда праведныхъ отвѣчаютъ ученію церкви; нѣтъ дѣленія на сцены ³⁾. Боккаччо защищаетъ названіе тѣмъ, что какъ комедія, бурная и шумливая въ началѣ, кончается миромъ и покоемъ, такъ и поэма Данте начинается съ печали и страданій, чтобы умиротвориться съ праведниками въ вѣчной славѣ ⁴⁾.

Къ вопросу о заглавіи примыкаетъ характеристика Данте. Это краткій очеркъ, съ ссылкой на «біографію» ⁵⁾, безъ новыхъ данныхъ; только Брунетто Латини названъ учителемъ Данте ⁶⁾, о чемъ біографія умалчиваетъ; какъ и въ ней ⁷⁾, имя поэта оказывается даннымъ свыше: не даромъ называютъ его по имени; Беатриче = теологія и первоначальный Адамъ. — Эти свѣдѣнія пополняются эпизодически въ теченіи комментарія: такъ Боккаччо говоритъ со словъ мессера Джьярдино изъ Равенны ⁸⁾, что Данте умеръ на 57-мъ году жизни ⁹⁾; сообщаетъ свѣдѣнія

1) Сл., между прочимъ, письмо къ Пиццинге, выше стр. 77—8, 533.

2) I, 223.

3) Storie.

4) I, 85—7.

5) Trattatello.

6) II, 417.

7) Сл. выше стр. 296.

8) Сл. выше стр. 290.

9) I, 104: trapassato; иначе въ Vita, ed. Macri-Leone, стр. 32: già nel mezzo o presso al cinquantesimo sesto suo anno.

о Беатриче Портинари ¹⁾, повторяетъ знакомый намъ ²⁾ рассказъ о томъ, какъ найдены были первыя семь пѣсень Ада. На этотъ разъ онъ называетъ свои источники: у Данте былъ племянникъ, сынъ его сестры, Андрей Поджи, человекъ необразованный ³⁾, но разумный ⁴⁾ и порядочный, и лицомъ и всей фигурой напоминавшій дядю, даже горбившійся, какъ, говорятъ, горбился онъ. Этотъ-то Поджи и рассказывалъ Боккаччо, что въ находкѣ дѣйствующимъ лицомъ былъ онъ; съ другой стороны старый пріятель Данте, Дино Перини, утверждалъ, что утраченные пѣсни найдены были имъ самимъ. Кому изъ нихъ повѣрить, не знаю, говоритъ Боккаччо, но выражаетъ и всѣя сомнѣнія въ достовѣрности и вѣроятности самой легенды; въ біографіи онъ еще принималъ ее на вѣру ⁵⁾.

Остался еще третій общій вопросъ, поставленный въ началѣ введенія: къ какого рода философіи относится Божественная Комедія. Боккаччо отвѣчаетъ, что къ этической.

Все это введеніе не что иное, какъ разработка и передѣлка положеній приписываемаго Данте посланія къ *Cap Grande della Scala* съ посвященіемъ Рая. Иныя выраженія переведены дословно, тотъ же схематизмъ, лишь нѣсколько измѣненный. Въ посланіи общихъ вопросовъ поставлено шесть: 1) сюжетъ, 2) авторъ (*agens*), 3) форма, 4) цѣль, 5) заглавіе, 6) родъ философіи. У Боккаччо первыя четыре рубрики сведены въ одну подъ заглавіемъ *cause*, можетъ быть, подъ вліяніемъ какого нибудь средневѣковаго комментарія. Такъ Треветъ разбиралъ Сенекова *Hercules furens* по категоріямъ *causa efficiens* (авторъ), *materialis* (сюжетъ), *formalis* (форма драмы) и *finalis* (увеселеніе народа или цѣли нравственнаго исправленія).—Дальнѣйшій анализъ частныхъ повторяетъ посланіе: та-же двойственность сю-

1) I, 224—5; см. выше стр. 290.

2) См. выше 290, 312.

3) *Idiota*.

4) *D'assai buon sentimento naturale*.

5) II, 129 слѣд.

жета и то-же, буквально, опредѣленіе иносказательнаго содержанія поэмы; тотъ-же разборъ формы, та-же защита названія «комедіи», та-же цѣль и родъ философіи.

Оказывается, Боккаччо парафразировалъ посланіе Данте не называя его, какъ парафразировалъ его въ введеніи къ своему комментарию Якопо делла Лана (между 1323-мъ и 1323-мъ гг.), сокративъ шесть дѣлений въ четыре ¹⁾ и также не назвавъ автора; въ комментариі Пьетро Алигьери (1340—41 г.) тотъ-же матерьялъ посланія къ *Capo della Scala* распределяется уже совсѣмъ по боккаччевскимъ рубрикамъ: *cause* ²⁾, заглавіе, философія.—Вопросъ о подлинности Дантовскаго письма, еще недавно вызывавшаго сомнѣнія, насъ здѣсь не касается; вѣроятно одно, что если ни Якопо делла Лана, ни Боккаччо не упомянули его, то потому, что они пользовались имъ въ особомъ видѣ, безъ имени и посвященія, которое позволило бы угадать автора. Какъ бы то ни было, именно посланіе дало тѣ общія точки зрѣнія, которыя легли въ основу послѣдующихъ толкованій Божественной Комедіи, какъ безыменныхъ глоссъ къ ея тексту, такъ и комментаріевъ, обнимавшихъ ее цѣликомъ или частями. На такія толкованія ссылается и Боккаччо, ни разу не обозначая ихъ точнѣе: у него, какъ нерѣдко и у другихъ комментаторовъ, это просто «другіе», которымъ онъ часто не вѣритъ, предпочитая свое пониманіе, но отмѣчая и несочувственныя ³⁾. Незнакомство съ прямыми источниками его дантовской экзегезы не всегда позволяетъ судить объ оригинальности его собственной. Уже сыновья Данте, Якопо и Пьетро, въ своихъ комментаріяхъ, первый и въ своемъ *Dottrinale*, установили ту точку зрѣнія, что подъ аллегоріей загробныхъ мукъ и наградъ Данте имѣлъ ввиду изобразить тройное состояніе людей въ этой жизни: грѣшниковъ, погрязшихъ въ адскомъ мракѣ пороковъ и невѣдѣнія,

1) *Subietto, forma, cagione efficiente, cagione finale.*

2) *Efficiens, materialis, formalis, finalis.* Сл. ed. Vernon, стр. 3.

3) I, 192, 195, 265, 296—7; II, 14, 158—9, 217, 281, 300, 303, 331, 422.

покаявшихся и добродѣтельныхъ; ихъ участь и возмездіе—естественное слѣдствіе ихъ жизненнаго дѣланія; ихъ судья, Мьянось,—ихъ собственная совѣсть. — Мы встрѣтимъ этотъ взглядъ и у Боккаччо, въ соединеніи съ другимъ, оставляющимъ за дантовской трилогіей ея христіанско-легендарное значеніе, видящимъ въ Данте личнаго грѣшника, котораго примѣры божественнаго правосудія приводятъ къ сознанію и направляютъ къ добродѣтели. Таково пониманіе въ комментаріяхъ Ser Graziolo и въ анонимномъ толкованіи, изданномъ Сельми.—Къ этимъ принципьяльнымъ совпаденіямъ присоединяются и мелкія: Боккаччо усматриваетъ напр. сознательный параллелизмъ въ томъ, что въ каждомъ кругѣ Ада Данте помѣстилъ особаго демона, назначеннаго застращать пришельцевъ ¹⁾; но подобное замѣчаніе сдѣлано было уже Якопо ди Данте. Приступая къ разбору каждой пѣсни Боккаччо напередъ распределяетъ ея содержаніе на нѣсколько отдѣловъ, о которыхъ и говоритъ послѣдовательно; это тотъ-же приемъ, что у Якопо дела Лана и Пьетро Алигьери. Аллегорія Veltro, будущаго освободителя Италіи ²⁾, оставляетъ Боккаччо въ недоумѣніи, онъ не дѣлаетъ окончательнаго выбора изъ разныхъ мнѣній и рѣшительно отрицаетъ отождествленіе Veltro съ І. Христомъ ³⁾, приводя, какъ наиболѣе правдоподобное, мнѣніе тѣхъ, которые представляли себѣ Veltro безвѣстнымъ, безроднымъ бѣднякомъ, имѣющимъ изгнать изъ міра любостыжаніе ⁴⁾.

Обращаясь къ толкованію первой части Божественной Комедіи, Боккаччо еще разъ оговаривается: онъ слабъ умомъ и памятью, и если ему случится сказать что-либо несогласное съ ученіемъ церкви, онъ напередъ отдаетъ себя подъ ея судъ. Божественная Комедія ставила богословскіе вопросы; первымъ является вопросъ объ—адѣ; Боккаччо ⁵⁾ развиваетъ здѣсь положенія, вы-

1) I, 277, 433; II, 4, 135, 275.

2) I, 191 слѣд.

3) Таково было толкованіе Ser Graziolo.

4) См. выше стр. 159—160 и Pietro Alighieri: naturalis et de vili natione.

5) I, 91 слѣд.

раженныя имъ въ Генеалогіяхъ боговъ¹⁾, на этотъ разъ съ ссылкой на Священное писаніе, различающее три ада: верхній, средній, или лимбъ, и низшій, или адъ въ обычномъ употребленіи слова. Для его аллегорической системы важнѣе пониманіе верхняго ада: это — жизнь, полная страданій и грѣховности; адъ — въ сердцѣ чловѣка, съ Церберомъ — ненасытными желаніями, судьями — судомъ совѣсти и т. д. Слѣдуютъ вопросы: о положеніи нижняго ада, о чемъ существуютъ разныя мнѣнія; о его названіяхъ²⁾. Первая пѣснь дантовскаго Ада выдѣляется, какъ вводная къ остальнымъ, и начинается толкованіе³⁾. Методичность и знакомая намъ обстоятельность Боккаччо сказались въ точномъ обособленіи дословнаго толкованія отъ аллегорическаго; это было нововведеніе: дословное толкованіе всегда имѣетъ ввиду слѣдующее за нимъ аллегорическое, ссылается на него впередъ; что распредѣленіе матерьяла является при этомъ нѣсколько искусственнымъ, понятно само собой. Только при 10-й и 11-й пѣснѣ нѣтъ объясненія иносказаній, ибо онѣ не представляли ничего новаго; въ 8-й этотъ отдѣлъ ограничивается нѣсколькими строками; такъ и въ 16-й, съ ссылкой на будущее толкованіе; 15-я пѣснь отсылаетъ слушателя къ аллегоріямъ 17-й, комментарий которой остановился, какъ мы видѣли, на полуфразѣ.

Займемся сначала отдѣломъ дословнаго толкованія. Оно двойное, стилистическо-грамматическое и реальное. Первое не даетъ понятія объ образовательномъ цензѣ слушателей, собравшихся вокругъ Боккаччо въ стѣнахъ Санъ-Стефано: въ немъ есть пища для всѣхъ. Иные стихи Данте разбираются синтаксически, то-есть возстановляется прозаическій порядокъ рѣчи⁴⁾, комментарий становится почти школьнымъ, нѣсколько разъ возвращаясь къ частямъ одного и того-же предложенія, повторяя и

1) Сл. выше стр. 395.

2) Gen. Deor. I, 14.

3) I, 104 слѣд.

4) I, 221; II, 332—3, 450.

резюмируя¹⁾; съ другой стороны даются указанія на различенія въ текстѣ Данте²⁾, приводятся этимологiи³⁾, объясняется поэтическое словоупотребленіе⁴⁾, значеніе словъ⁵⁾, синонимы⁶⁾; флорентинизмы⁷⁾, ломбардизмы⁸⁾, романьолизмы; въ словѣ *огганза* (вмѣсто *опоганза*)⁹⁾ отмѣчена синкопа, въ другихъ случаяхъ сравненія¹⁰⁾, тропы и фигуры¹¹⁾, заимствованія изъ *Виргиліа*¹²⁾, иной разъ къ выгодѣ Данте¹³⁾.

Грамматическое толкованіе приготавливало комментарий по содержанию. Источниками Боккаччѣ могли быть здѣсь тѣ «другіе», съ мнѣніями которыхъ онъ считается, не называя ихъ; для реальной части комментарія его собственные ученые труды, съ тѣми-же ссылками на Пронапида¹⁴⁾, Теодонція¹⁵⁾, Леонтія Пилата¹⁶⁾, на классиковъ; съ набѣгами въ область французскихъ романовъ¹⁷⁾, баснословныхъ рассказовъ объ Александрѣ Вели-

1) I, 229; II, 162—2.

2) I, 111—112, 216, 297, 315.

3) I, 154, 203, 205—8, 269, 311, 511; II, 41, 145, 186, 214, 216, 287—8, 325 и *passim*. Сл. II, 46—7 (*Pape Satan aleppe*): *Alep è la prima lettera dell' alfabeto de' Giudci. . . cioè a; ed è alep appo gli Ebrei adverbium dolentis*. Такъ у *Ottimo* и *Buti*; Генрихъ изъ Сеттимелло начинаетъ свою элегію *De diversitate Fortunae* парфразой библейской фразы, любимой Данте и Боккаччѣ: *Quomodo sola sedet probitas? Flet et ingemit aleph!*

4) I, 277; II, 158, 401.

5) I, 293 (*sonno*), 334—5 (*scuola*), 444—5 (*bufera*), 446—7 (франц. *lai*); II, 51 (*rabbuffa*), 245 (*stipa*), 272 (*burrati*), 348 (*poste*), 357 (*giubbetto*).

6) I, 229 слѣд., 337; II, 140 слѣд., 188 слѣд., 271.

7) II, 13 (*piaggiare*), 148—9 (*broda, secondo il nostro parlare*), 150 (*credo questo vocabolo bizzarro sia solo de' Fiorentini*), 186 (*avello*), 349 (*rosta*).

8) II, 164 (*cionca*), 191—2 (*spaldo*).

9) I, 317.

10) II, 275.

11) I, 109 (*гиперболя*), 116 (*acirologia*), 199 (*inculcatio*); II, 55 (*preoccupazione*).

12) I, 201, 341; II, 5, 133, 145.

13) I, 209, 159.

14) Сл. выше стр. 342—3.

15) Сл. выше стр. 341 слѣд.

16) Сл. выше стр. 350 слѣд.

17) I, 487; II, 185—6.

комъ ¹⁾ и городскихъ легендъ Фьезоле и Флоренціи ²⁾, съ неравномѣрными порывами критики, колеблющейся между сомнѣиємъ и довѣрчивостью (напр. въ легендѣ о Дидонѣ ³⁾), возбуждающей себѣ вопросы въ дѣлахъ вѣры ⁴⁾: не слыхалъ я и не читалъ, чтобы Христосъ сошелъ въ лимбъ съ знаменіемъ побѣды, замѣчаетъ Боккаччо къ дантовскому стиху. Принадлежность одной пьесы Сенски возбуждаетъ въ немъ довѣріе по существу и сомнѣніе по отношенію къ стилю ⁵⁾. Павлова Видѣнія онъ, кажется, не зналъ ⁶⁾, Теофрастово De Nuptiis, текстомъ котораго онъ пользовался въ біографіи Данте ⁷⁾, переведено теперь цѣлкомъ ⁸⁾.

Такое массовое чтеніе объясняетъ подробность историко-реального комментарія, особенно въ его классическомъ отдѣлѣ: пересказываются мифы съ ихъ толкованіемъ, сообщаются свѣдѣнія объ играхъ у древнихъ ⁹⁾, біографіи дѣятелей мифа и исторіи, героевъ, поэтовъ и философовъ: Виргилія ¹⁰⁾ и Камиллы ¹¹⁾, Платона ¹²⁾ и «грѣшнаго» Овидія ¹³⁾; Миносъ увлекаетъ къ воспоминанію о Дедалѣ въ Байяхъ ¹⁴⁾, имя Париса — къ легендѣ о немъ ¹⁵⁾.

Отъ воспоминаній древности текстъ Данте переносилъ Боккаччо къ среднимъ вѣкамъ, итальянскимъ и чужимъ; явились

1) II, 289 слѣд., 370 слѣд.

2) II, 305, 352 слѣд., 411 слѣд.

3) I, 225, 349, 451 слѣд., 484. Сл. выше стр. 91 слѣд.

4) I, 303—4.

5) I, 398.

6) I, 217.

7) Сл. выше стр. 291.

8) II, 438 слѣд.

9) II, 432—3.

10) I, 118 слѣд., 136 слѣд., 301; II, 166. Сл. выше стр. 90.

11) I, 143 слѣд., 356.

12) I, 378 слѣд.

13) I, 328 слѣд., 403—9. Сл. выше т. I, стр. 438.

14) I, 433 слѣд. Сл. выше стр. 172.

15) I, 470 слѣд.

статья о лонгобардах¹⁾, о Фридрихѣ II²⁾ и Пьеро делье Вьяне³⁾, объ Эццелинѣ⁴⁾ и Франческѣ изъ Римини⁵⁾, въ паденіе которой Боккаччьо отказывается вѣрить: оно было возможно, но Данте не могъ знать о немъ, это — вымыселъ, основанный на вѣроятности. Рядъ историческихъ и біографическихъ свѣдѣній объ итальянскихъ и флорентійскихъ дѣятеляхъ, о политическихъ отношеніяхъ Флоренціи приводитъ насъ къ другимъ источникамъ, хроникамъ (Виллапи), прежнимъ комментаторамъ, рассказамъ стариковъ и свѣдущихъ людей. Многое принадлежитъ сообщеніямъ Коппо ди Боргезе Доменики; извѣстно⁶⁾, какъ читлъ Боккаччьо этого живого свидѣтеля доброй старины: съ его словъ записанъ анекдотъ о Гвальдрадѣ⁷⁾, рассказана новелла Декамерона о Федерико Альбериги⁸⁾, отъ него идутъ свѣдѣнія о Филиппѣ Ардженти⁹⁾, дѣйствующемъ лицѣ другой новеллы¹⁰⁾, герой которой, Чакко, также встрѣчается въ комментаріяхъ въ связи съ характеристикой партій, на которыя распались флорентійскіе гвельфы: Бѣлые (Bianchi) съ родомъ Черки во главѣ, и Черные (Neri), руководимые семьей Донати¹¹⁾. Мы знаемъ, какъ поверхностно было у Боккаччьо пониманіе старыхъ флорентійскихъ отношеній, и знаемъ тому причины¹²⁾. Вскорѣ послѣ 1302-го года, особенно послѣ итальянскаго похода Генриха VII, Bianchi и Neri исчезаютъ, какъ названіе гвельфскихъ партій; первые сливаются съ гибеллинами, вторые означаютъ гвельфовъ вообще;

1) I, 119—120.

2) II, 239 слѣд.

3) II, 334 слѣд.

4) II, 299 слѣд.

5) I, 476 слѣд.

6) Сл. выше т. I, стр. 168—9.

7) II, 434 слѣд. и De Casibus, сл. выше стр. 222; сл. Ottimo I, 299 и G. Villani V, 37.

8) Сл. выше т. I, стр. 468.

9) II, 149—150.

10) Дек. IX, 8.

11) II, 8 слѣд., 446.

12) Сл. выше стр. 150, 164.

между тѣмъ, комментируя (*Inf. VI, 70*) пророчества Чакко, что Черные еще долго будутъ воздымать чело, то-есть верховодить, Боккаччо замѣчаетъ въ 1373-мъ году, что это время еще не прошло ¹⁾. Говоря о Черныхъ, онъ, очевидно, разумѣетъ просто гвельфовъ, какъ анонимный комментаторъ Ада (м. 1321 и 1337 годовъ)—не флорентинецъ ²⁾. Въ *Vita* отсутствуютъ самыя названія *Bianchi* и *Neri*, а о гвельфахъ и гибеллинахъ сказано, что откуда пошли эти клички — неизвѣстно ³⁾; съ тѣхъ поръ досто-почтенный мужъ Луиджи Джьянфильяцци ⁴⁾ разсказалъ Боккаччо, что слышалъ объ ихъ происхожденіи отъ Карла IV: авекдотъ о графинѣ Матильдѣ и двухъ совопросникахъ, Гвельфѣ и Гибеллинѣ, который и пересказывается безъ сомнѣній ⁵⁾, безъ сознанія принципальной обусловленности гибеллинскихъ и гвельфскихъ партій широкими идеями папства и имперіи.

Энциклопедическое содержаніе Божественной Комедіи шло на встрѣчу энциклопедизму самаго Боккаччо. Авторъ *De Montibus* сказывается въ статьяхъ географическаго характера ⁶⁾; о замкѣ, который затѣвали построить у водопада Аквакеты, онъ самъ слышалъ отъ аббата сосѣдняго монастыря ⁷⁾. Разъясняются вопросы естественно-историческіе, фізіологическіе, метеорологическіе ⁸⁾, не безъ примѣси баснословія и наивнаго суевѣрія, когда напр. объ осахъ говорится, что онѣ зарождаются изъ гнилыхъ внутренностей осла ⁹⁾, хотя напр. въ Генеалогіяхъ зарожденіе палочной травы изъ человѣческой крови вызываетъ сомнѣніе ¹⁰⁾;

1) II, 13.

2) Росса, *Di alcuni commenti della Div. Commedia*, стр. 111 слѣд.

3) Сл. выше стр. 302.

4) О немъ сл. выше стр. 204—5.

5) II, 225 слѣд.

6) I, 479; II, 184—5, 271—2, 326—7, 379—380, 390 слѣд. и др.

7) II, 450—1.

8) I, 108, 141: сердце; сл. II, 336; I, 294: громъ; II, 268—9: вѣтры, = *Gen. Deor. IV, 54*; II, 303—4: саззо; 368: окаменѣлыя раковины; 402—3: приливъ и отливъ.

9) I, 282.

10) *Gen. IX, 3*.

или что люди, косоглазые отъ рожденія, по мнѣнію фізіологистовъ, бываютъ хитры и коварны ¹⁾, а у умирающихъ является даръ прозорливости ²⁾. — Въ иныхъ случаяхъ Боккаччьо помогли его старыя юридическія занятія: отвѣчая на сомнѣнія людей, соблазнявшихся тѣмъ, что въ Дантовскомъ лимбѣ подвергаются одинаковой карѣ дѣти, умершія до крещенія, и языческіе мудрецы и поэты, которымъ слѣдовало бы положить болѣе тяжкое наказаніе, Боккаччьо ³⁾ подробно различаетъ понятія: невѣдѣнія закона и невѣдѣнія факта; послѣднее служить къ извиненію и облегченію участи тѣхъ язычниковъ, которые жили до Христа и не имѣли возможности познать истиннаго Бога, тѣ-же, которые жили въ пору «закона», не могутъ защищаться его незнаніемъ. Боккаччьо строже Данте: онъ исключилъ-бы изъ его лимба не только Авиценну, Галена и Аверроэса, но и Овидія, Лукана и друг.; таково его мнѣніе, которое онъ готовъ подчинить рѣшенію церкви и мнѣніямъ болѣе мудрыхъ людей. Подобной, нѣсколько искусственной юридической формулой, различеніемъ *pepa illativa* и *pepa privativa*, онъ пытается спасти Данте отъ обвиненія въ разногласіи съ церковью, учащей, что по воскресеніи всѣ души соединятся съ своими тѣлами (дѣло идетъ объ *Inf. XIII, 91* слѣд., возбуждавшемъ сомнѣнія уже древнихъ комментаторовъ) ⁴⁾, тогда какъ тѣла дантовскихъ самоубійцъ окажутся повѣшенными на тѣхъ самыхъ деревьяхъ, въ которыхъ они заключены въ аду ⁵⁾.

Знакомое намъ пристрастіе Боккаччьо къ астрологій и хронологическимъ выкладкамъ вызвало два астрономическихъ экскурса ⁶⁾:

1) *Com.* II, 56.

2) II, 19.

3) I, 416 слѣд.

4) Сл. напр. *Ottimo* и вставленную въ одинъ изъ текстовъ его комментарія глоссу *frate Accorso Bonfantini* о томъ, что въ данномъ случаѣ Данте «*proprie due spezie di pena, l'una è positiva, l'altra è privativa*». Сл. *Riv. crit.* VII, 4, стр. 108, прим. 1.

5) II, 346 слѣд.

6) I, 110—111; II, 266—8.

вычисленіе, сколько времени провелъ Данте въ своемъ воображаемомъ хожденіи ¹⁾; то-же пристрастіе побудило комментатора еще разъ высказаться по вопросамъ, издавна его занимавшимъ: о влияніи свѣтилъ на человѣка, о значеніи астрологіи, о судьбѣ. Вѣчнымъ вращеніемъ и различными сочетаніями свѣтилъ, этихъ орудій божественнаго всемогущества, производящихъ существа низшаго порядка, объясняется въ людяхъ различіе ихъ по внѣшности, темпераменту, призванію; всякій родится на что-нибудь, и хотя Господь одарилъ наши души разумомъ и свободной волей, *кажется* (page), что люди слѣдуютъ не выбору, а тому, на что каждый рожденъ ²⁾. Вопросъ о Фортунѣ, поставленный Данте, приводитъ Боккаччо къ тѣмъ-же точкамъ зрѣнія ³⁾: Фортуна встарь считали богиней, поэты изображали ее женщиной, съ повязанными глазами, вращающей колесо; но подъ ней разумѣется не что иное, какъ различныя вращенія небесъ, движимыхъ божественнымъ разумомъ къ извѣстной цѣли — оттого неумѣстна повязка на глазахъ Фортуны. Движеніемъ небесъ объясняются непонятныя намъ перемены въ судьбѣ людей и царствъ; у Боккаччо на памяти примѣры изъ De Casibus; такъ въ наши дни величіе французовъ перешло на англичанъ, о когда-то именитыхъ въ нашемъ городѣ семьяхъ Черки, Донати, Тозинги, едва теперь поминаютъ, ихъ слава перешла на другихъ, о которыхъ тогда не знали. Врожденность увлекаетъ насъ, но еслибы мы захотѣли быть благоразумными и послѣдовать внушеніямъ свободной воли ибо наши души созданы Богомъ и внѣ влияния Фортуны, мы воспротивились бы ей, попрали бы ее, несповѣдую — ибо человѣческому пониманію не объять тайны неба, чтѣ доказываютъ постоянныя, чаще всего напрасныя старанія астрологовъ, хотя сама по себѣ астрологія, какъ наука, имѣетъ основаніе ⁴⁾. Если въ

1) I, 112, 268; II, 269, 408.

2) I, 152—3.

3) II, 62 слѣд.

4) Vera.

другомъ мѣстѣ ¹⁾ вѣрованіе, что какое-нибудь созвѣздіе можетъ роковымъ образомъ вліять на людскіе умы, осуждается, какъ неразуміе и даже ересь, если о Данте говорится, что его дарованія не отъ звѣздъ, хотя Господь и одарилъ ихъ многими силами, а отъ милости Божіей ²⁾ — то это ставитъ насъ въ кажущееся только противорѣчіе съ взглядами Дантовской біографіи ³⁾, съ заявленіями Генеалогій ⁴⁾, съ общей постановкой этого вопроса въ комментаріяхъ. Эта постановка ясна: старческій *résumé* жизненныхъ взглядовъ, колебаній, отстоявшихся въ видимомъ покоѣ. *De Casibus* еще отражаетъ періодъ колебаній, борьбы личности въ противорѣчіяхъ судьбы и призванія. Тамъ Фортуна — Богъ, но языческаго типа; она непререкаема, ее побѣждаетъ доблесть, но побѣжденная; ее можно избѣжать, ограничивъ желанія; въ эту двойственность неотразимо вторгались моменты призванія, сознанія силы, прирожденнаго таланта, который не знаетъ границъ и невольно идетъ на встрѣчу судьбѣ ⁵⁾. Въ комментаріяхъ эти противорѣчія помирены: талантъ, призваніе отъ звѣздъ, отъ вращенія небесъ, но то и другое въ рукахъ Бога; понятія прирожденности, фортуны сливается съ представленіемъ Божества, вмѣстѣ съ тѣмъ доблесть, ограниченіе желаній уходитъ въ понятіе свободной воли. Если-бы мы были разумны, мы чаще бы подчинялись ей, но, кажется, народы чаще слѣдуютъ не ея разумнымъ указаніямъ, а своимъ склонностямъ ⁶⁾.

Боккаччо не написалъ бы теперь своего панегирика Алкивіаду ⁷⁾; его воззрѣнія смиренно подошли къ церковной нормѣ; какъ въ соотвѣтствующихъ частяхъ Генеалогій, его христіанство боязливое, нѣсколько суровое: мы видѣли, что онъ исключаетъ кри-

1) II, 354.

2) II, 410—11.

3) Сл. выше стр. 295—6.

4) Сл. выше стр. 405; сл. еще посланіе къ Нелли, выше, стр. 484—5.

5) Сл. выше стр. 274 слѣд.

6) Сл. комментарий *Ser Graziolo* къ *Inf. VII*, 89, *Pietro Alighieri*. и др.

7) Сл. выше стр. 276—7.

тику въ дѣлахъ вѣры, предоставляя свои сужденія насудъ богослововъ ¹⁾); если говорить о Юпитерѣ, какъ о богѣ-отцѣ ²⁾), то старательно отмѣчаетъ и другое его, языческое значеніе ³⁾); онъ не вѣритъ, чтобы душу можно было вызвать изъ ада: вмѣсто нея являлся демонъ ⁴⁾); демоны наполняютъ воздухъ, вздымаютъ бурн, соблазняютъ людей ⁵⁾); иные, менѣе разумные, объясняютъ ихъ вліяніемъ явленія парализи ⁶⁾).—Я сказалъ о суровомъ христіанствѣ Боккаччо: некрещенныхъ дѣтей въ лимбѣ онъ одаряетъ сознаниемъ, но оно имъ не въ утѣшеніе, а на муку ⁷⁾); грѣшники лишены всякаго утѣшенія: если Франческо говоритъ, что Паоло и теперь ее не покидаетъ, то Данте слѣдовалъ здѣсь Виргилію, не ученію христіанства ⁸⁾). Однажды, казалось-бы, Боккаччо готовъ подойти случайно, хотя «предметъ того и не требовалъ» ⁹⁾), къ вопросу о существованіи въ природѣ вреднаго, неполезнаго, напр. пустынь; но онъ не обобщаетъ его, а рѣшаетъ благодушно, въ связи съ фактомъ: пустыня освободилась изъ подъ моря, которое служило цѣлямъ плаванія. Зло явилось въ мірѣ съ исторіей: она начинается съ золотого вѣка и кончается разложеніемъ; если въ Амето, въ Фьяметтѣ ¹⁰⁾ это—общее мѣсто, въ комментаріяхъ оно выражаетъ старческое настроеніе ¹¹⁾). Все идетъ на склонъ, и нравы, и самые костюмы; простые въ старину ¹²⁾), они стали теперь безстыжими; въ старину красавецъ Спуринна исказилъ свое лице, ибо оно возбуждало соблазнъ и вождедѣніе ¹³⁾), со-

1) I, 306.

2) I, 202, 403; II, 199.

3) II, 345, 373.

4) II, 166.

5) I, 262; сл. 372.

6) I, 278.

7) I, 298.

8) I, 484.

9) II, 367.

10) Сл. выше т. I, стр. 278—9, 363, 419—20, 505.

11) II, 27 слѣд., 94 слѣд.

12) II, 222, 431.

13) Сл. De Casibus IV, 19, выше стр. 270.

временные молодые люди идутъ на встрѣчу тому и другому. То, что говорится о нихъ ¹⁾, напоминаетъ указъ короля Роберта ²⁾ и туалетныя подробности Корбаччьо и De Casibus ³⁾. Модное кропотоліе, платье въ обтяжку возбуждаютъ негодованіе, тѣмъ болѣе, что эти люди защищаютъ себя примѣромъ англичанъ и нѣмцевъ, французовъ и провансальцевъ. Что за срамъ! восклицаетъ Боккаччьо въ порывѣ національнаго самосознанія: въ бывшее время, когда мы еще не страдали изнѣженностью, мы давали всему свѣту и законы и моды и нравы; въ этомъ было наше благородство, наше преимущество и сила; теперь, заимствуя у варваровъ, у нашихъ бывшихъ рабовъ и данниковъ, то, что они у насъ переняли, мы тѣмъ самымъ заявляемъ, что мы рабы, они выше насъ и благороднѣе и образованнѣе. Неужели эти люди не поймутъ, какъ унижительно для итальянца слѣдовать обычаямъ такихъ народовъ! Римскимъ обычаемъ нельзя защититься: я не могу доказать письменными памятниками, что римляне не носили короткаго платья, но тому доказательствомъ статуи — а я ихъ много видѣлъ.—Но у Боккаччьо есть и другой аргументъ противъ новой моды: это ея соблазнъ, вождельніе, которое она, своею откровенностью, можетъ возбуждать въ женщинахъ. Ибо въ женщинахъ вождельніе и безъ того не знаетъ границъ, онѣ красятся, рдятся, поютъ, играютъ глазами съ единственной цѣлью увлечь мужчинъ; тѣ идутъ имъ на встрѣчу и впадаютъ въ сладострастіе; это—смерть юношамъ, утѣха ⁴⁾ женщинъ, мать лжи, врагъ чести, нарушение вѣрности, опора пороковъ, вмѣстелище скверны, соблазнительное зло, позоръ стариковъ; именно для огражденія отъ ея излишествъ Господь и установилъ бракъ, ограничившій мужа одной женою; всѣ иныя связи подлежатъ осужденію — и Боккаччьо переходитъ къ перечисленію видовъ преступ-

1) I, 498 слѣд.

2) Сл. выше т. I, стр. 49.

3) Сл. выше стр. 31 слѣд., 266 слѣд.

4) Amica.

ной страстности, доходя до содомів. Правда, любовная страсть карается слабѣе другихъ пороковъ, какъ бы менѣе оскорбляетъ Господа, ибо она врождена намъ небесами, и мы находили бы въ томъ извиненіе, еслибъ у насъ не было свободной воли, возможности уберечь себя отъ соблазновъ и возбужденій — ибо «безъ Цереры и Вакха хладѣетъ любовь».

Все это сказано по поводу грѣшниковъ, караемыхъ за лобострастіе во второмъ адскомъ кругѣ, и сводится къ объясненію поэтическаго эпизода о Франческо и Паоло! Боккаччо внимательно слѣдитъ за соотвѣтствіемъ проступка и наказанія: вихрь, въ которомъ несутся любовники — холодный вихрь, какъ противоположность горячности вожделѣнія.

Старый, реально-физиологическій взглядъ Боккаччо на любовь ¹⁾ не удивитъ насъ въ томъ его произведеніи, на которомъ ярче должна была лечь печать лѣтъ и боязливыхъ старческихъ счетовъ съ совѣстью. Его ригоризмъ обострился, общія мѣста поученія, нажитые взгляды еще разъ являются на переключку: тѣ-же укору женщинамъ, которыя красятся и притираются ²⁾, тогда какъ красота — даръ небесъ, почти всегда соединяющійся съ другими преимуществами, невольно вызывающій почетъ ³⁾, не передаваемый никакой кистью ⁴⁾; та-же похвала цѣломудрымъ матронамъ — и злая инвектива противъ брака по слѣдамъ Теофраста ⁵⁾; осужденіе плотской страсти ⁶⁾, знакомое опредѣленіе любви съ классификаціей ея по Аристотелю ⁷⁾ и почтительнымъ замѣчаніемъ къ извѣстному дантовскому стиху: о любви, вызывающей любовь ⁸⁾ — что это можетъ относиться только къ добродѣтель-

1) Сл. выше т. I стр. 524 слѣд.

2) I, 96, 175—6.

3) I, 222.

4) I, 464; сл. De Clar. Mul. с. 35 и выше стр. 233 слѣд.

5) II, 438 слѣд.

6) I, 176—7.

7) Сл. Gen. Deor. I, 15; IX, 4; сл. выше стр. 404.

8) Amor ch'a null'amato amor perdona.

ному чувству ¹⁾. То, что говорится о молвѣ — fama ²⁾, поэзи и поэтахъ ³⁾, о тиранахъ ⁴⁾, объ идеалѣ короля ⁵⁾ и служителя правосудія ⁶⁾—повторяетъ знакомыя тирады De Casibus и Генеалогій. Пороки, караемые въ дантовскомъ Аду, явились темой обстоятельныхъ разсужденій о гордыни, зависти и любостязаніи ⁷⁾; чревоугодіе ⁸⁾ даетъ поводъ къ характеристикѣ застольныхъ излишествъ, въ которыхъ повинны итальянцы, особенно тосканцы: описывается ихъ безконечное столованье, съ пѣвцами и скоморохами и бесѣдами обо всемъ, начиная отъ пятенъ на лунѣ до вопроса о достоинствѣ тѣхъ или другихъ винъ. Не дѣлается ни одного общественнаго или частнаго дѣла, чтобы не поѣсть и не попить; роскошь дошла до того, что иные стали золотить мясо; и подобное дѣлаютъ не только наибольшіе, правители, но и мелкій людъ; за такими то трапезами вершаются серьезные дѣла, вино и обильныя яства помогаютъ обвиненію или оправданію, они — адвокаты, заступники; Богъ знаетъ, къ чему все это ведетъ!

Общія разсужденія о томъ или другомъ этическомъ вопросѣ оживають и дѣйствуютъ сильнѣе, когда за ними чувствуется наблюденіе надъ дѣйствительностью, преимущественно флорентійской, либо отзвуки лично пережитого. Говоря о любостязаніи и расточительности ⁹⁾, Боккаччо мѣтитъ на клериковъ, какъ въ другомъ случаѣ ¹⁰⁾ недоумѣваетъ о смиреніи современныхъ папъ,

1) I, 480—8 слѣд. О любви и ненависти, какъ міровыхъ принципахъ по Демокриту сл. еще II, 278—9.

2) I, 225 слѣд., 238; II, 424, 453.

3) I, 123 слѣд., 153, 392—3, 429—30; II, 424 слѣд.

4) I, 94—5: вѣтъ жертвы угоднѣе Богу, чѣмъ кровь тирана, сказалъ Сенека; Цезарь тираннически попралъ народную свободу; особенно II, 318 слѣд.: кентавры — сателлиты, наемники тирановъ. Сл. древнихъ комментаторовъ (Pietro Alighieri, Ottimo и др.) къ Inf. XII, 55.

5) II, 146 слѣд.

6) I, 493 слѣд.

7) II, 14 слѣд.

8) II, 29 слѣд.

9) II, 97 слѣд.

10) II, 421.

но когда онъ нападаетъ на людей, расточительныхъ къ льстепамъ, скоморохамъ, заблудшимъ женщинамъ, и неумѣющихъ почитать достойнаго человѣка¹⁾, невольно вспоминается его приемъ у Аччяйюли; это, можетъ быть, такое-же личное воспоминаніе, какъ и указаніе на зависть, царящую при дворахъ²⁾. Нравы флорентинцевъ давали матеріалъ для нареканій: ихъ обвинили въ чревоугодіи, вопросъ о гнѣвѣ и нравственной косности³⁾ вызываетъ разсужденіе о вендеттѣ, которой пятнаютъ себя тосканцы, особенно флорентинцы⁴⁾; съ нихъ писанъ портретъ вѣчно тревожнаго, озабоченнаго случайностями купца⁵⁾. Данте зоветъ флорентинцевъ неблагодарными, слѣпыми; въ прошломъ они дѣйствительно были неблагодарны къ людямъ, которые дѣлали имъ добро⁶⁾, а о прозвищѣ слѣпыхъ идетъ такой разсказъ: когда пизанцы отправились въ походъ на Майорку, упросили флорентинцевъ быть на стражѣ ихъ города, а въ награду обѣщали по дѣлиться съ ними добычей. Они привезли съ собой рѣзныя деревянныя врата и двѣ колонны изъ краснаго порфира, которыя обшили сукномъ; выборъ былъ предоставленъ флорентинцамъ, они выбрали колонны, которыя оказались сломанными. Оттуда, будто бы, прозвище слѣпыхъ; Боккаччо не вѣритъ въ это объясненіе, а другого не находитъ⁷⁾; онъ забылъ свое собственное, въ Географическомъ словарѣ⁸⁾. — И далѣе Боккаччо слѣдуетъ за Данте, называющаго флорентинцевъ стяжательными, завистливыми, надменными; развивая эти нареканія, авторъ включаетъ въ нихъ и себя: это риторическій приемъ, притуплявшій жало: всѣмъ намъ прирождена стяжательность, мы завистливы

1) II, 104—105.

2) II, 339.

3) II, 111 слѣд.

4) II, 115—116.

5) I, 287—8.

6) II, 411.

7) II, 414—415.

8) См. выше стр. 445, прим. 2.

паче другихъ, и т. д. ¹⁾. Но эта отрицательная оцѣнка взвѣшивается положительной; идеальный поклонникъ стараго Рима, Боккаччо позволяетъ себѣ противорѣчить Данте ²⁾ заявленіемъ, что уже со временъ императоровъ Римъ былъ наполненъ всякимъ народнымъ отребьемъ, но самъ онъ проникнуть тосканскимъ самосознаніемъ: мы должны благодарить Бога, что принадлежимъ къ этой, а не къ другой націи, если только слава страны сообщается и ея жителямъ; а Флоренція выше всѣхъ тосканскихъ городовъ, какъ голова благородіи другихъ членовъ тѣла ³⁾. Это—самосознаніе-ли Данте, или новый комплиментъ флорентинцамъ?

За толкованіемъ Божественной Комедіи по содержанію оставался не меньшій трудъ: объясненіе ея иносказательнаго смысла. Общій путь указанъ Данте, комментаторамъ оставалось развить подробности. Здѣсь Боккаччо неистощимъ, какъ всегда методиченъ, нерѣдко доходя до наивности въ своей акрибіи. Онъ пристально присматривается къ всякой мелочи любимаго текста, ставитъ вопросы, недоумѣваетъ и старается выйти изъ недоумѣнія, помирить кажущіяся противорѣчія: почему напр. Лукреція попала въ число добродѣтельныхъ язычниковъ лимба, когда она убила себя, а самоубійцамъ уготовано въ аду другое мѣсто ⁴⁾? почему въ аду Сенека, тогда какъ, по убѣжденію Боккаччо, онъ былъ христіанинъ ⁵⁾? почему Минотавръ, типъ яростнаго гнѣва, не карается вмѣстѣ съ гнѣвными ⁶⁾? Порой толкователь остается при своемъ недоумѣніи: Данте говоритъ, что обитатели лимба не ощущаютъ иныхъ страданій, кромѣ вздоховъ, между тѣмъ въ одномъ мѣстѣ сказано (очевидно, метафорически) о пламени ⁷⁾; или Виргилій говоритъ Данте, что вскорѣ удовлетворено будетъ его тайное

1) II, 415—416.

2) II, 417.

3) II, 278—220.

4) I, 409 слѣд.

5) I, 402—3; сл. выше стр. 91.

6) II, 277.

7) I, 235.

желание; комментаторы пытались определить его, Боккаччо заявляет откровенно, что оно ему неясно ¹⁾. Самъ онъ пытается пролить свѣтъ тамъ, гдѣ все ясно, если не искать сокровеннаго смысла во всякомъ риторическомъ оборотѣ, въ поэтическомъ образѣ. А онъ всюду ищетъ аллегоріи и находитъ ее, тѣмъ легче, что по его теоріи, скрѣпленной примѣрами Св. Писанія, раздѣлявшейся и другими толкователями, каждый образъ можетъ имѣть нѣсколько значеній: Церберъ напр. означаетъ въ дантовскомъ Аду и любостыжаніе и чревоугодіе ²⁾. И вотъ безконечно-напрасныя усилія Данандъ не что иное, какъ аллегорія женщинъ, которыя хорошатся и рядятся, часто не достигая цѣли ³⁾; подробно разбирается, примѣнительно къ пороку, наказаніе чревоугодниковъ ⁴⁾; у расточителей волосы острижены, ибо, по мнѣнію ученыхъ ⁵⁾, въ волосахъ нѣтъ влаги и ничего полезнаго здоровью тѣла, почему они и выражаютъ иносказательно—мирскія блага, не приносящія никакой пользы нашимъ душамъ ⁶⁾. Гнѣвные истязаютъ себя сами, бьются головой, грудью и т. д.; голова—это мысли, намѣренія, рѣшенія гнѣвнаго чловѣка, грудь означаетъ жизненныя силы питанія и т. д. ⁷⁾. Наконецъ — хвостъ Миноса, которымъ онъ опоясываетъ себя столько разъ, сколько круговъ слѣдуетъ пройти грѣшнику, чтобы достигнуть назначеннаго ему мѣста; и этотъ реалистическій образъ находитъ неожиданное толкованіе: хвостъ, крайняя часть тѣла, означаетъ послѣднюю часть нашей жизни, нравственное содержаніе которой и опредѣляетъ рѣшеніе Божьяго суда ⁸⁾, ибо Миносъ—Божіе правосудіе ⁹⁾.

Важнѣе частныхъ аллегорическихъ толкованій и хитроум-

1) II, 217—18; сл. еще II, 885—6.

2) II, 89, 90 слѣд.

3) I, 95—6.

4) II, 39 слѣд.

5) Dottori.

6) II, 60.

7) II, 118—119.

8) II, 495—6; сл. Якопо Алигieri и Ottimo къ Inf. V, 11.

9) II, 490.

ныхъ сближеній было проникнуть въ общій планъ дантовскаго иносказанія, проникнуться его духомъ. Авторъ старается подойти къ тому двумя путями. Съ одной стороны онъ выясняетъ себѣ систему адскихъ мукъ, представлявшую нѣкоторыя трудности. Въ XI-й пѣснѣ Ада Данте даетъ нѣсколько сбивчивыя указанія: до седьмого круга, говоритъ онъ, караются грѣхи *невоздержности*¹⁾; далѣе злоба, *malizia*, достигающая своихъ пѣлей *насиленіемъ или обманомъ*²⁾. Это распределение слѣдуетъ помирить съ другимъ, аристотелевскимъ: *невоздержность*, злоба или коварство—*malizia*, и неразумное звѣрство—*la matta bestialitate*³⁾. *Bestialità* отвѣчаетъ насилію первой схемы, *malizia* ея обману; если внести въ нее эти опредѣленія, то получится распорядокъ Боккаччо⁴⁾: *incontinenza*, *bestialità*, *malizia*. Съ этой точки зрѣнія насильники относятся ко второй категоріи, *bestiale*⁵⁾; и это было бы ясно, если бы при другомъ случаѣ⁶⁾ Боккаччо не припомнилъ перваго дантовскаго дѣленія, относящаго насиліе къ проявленіямъ *malizia*. Но это внѣшній недочетъ, объясняемый излишнимъ вниманіемъ къ слову дантовской системы. — Любопытно, какъ разширилъ Боккаччо понятіе *bestialità*: у Данте положеніе ереси въ гѣствицѣ грѣховъ не опредѣлено, можетъ быть, сознательно не выяснено; онъ могъ колебаться въ приуроченіи, но, помѣстивъ ересіарховъ непосредственно за невоздержными, невольно вызываетъ вопросъ: не относилъ ли онъ ересь къ категоріи невоздержности; мы подскажемъ: невоздержности мысли. Ею еретики погрѣшили, не желая оскорбить Бога, напротивъ, полагая, думая услужить ему⁷⁾. Съ этимъ согласенъ и Боккаччо; тѣмъ не менѣе его выводъ не стоитъ на уровнѣ дантовской гуманности: ересь отнесена у него къ звѣрству или скотоподобію; развѣ не скотоподобны⁸⁾ напр.

1) *Incontinenza*.

2) *Con forza* o *con frode*, *Inf. XI*, 22 слѣд.

3) *L. c.* 82 слѣд.

4) *II*, 192; *сл.* 259—60.

5) *II*, 274—5, 314.

6) *II*, 250.

7) *Сл. мои Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха № XII*, стр. 128. Иначе *Francesco D'Ovidio*, *Della topografia morale dell'Inferno Dantesco*, *Nuova Antologia* 1894, 15 Sett., стр. 202 слѣд.

8) *Bestiali*.

еретики, утверждавшие, что послѣ Целестина не было настоящаго папы? Изъ нихъ недавно сожгли болѣе шестисотъ, и по дѣломъ, за ихъ упрямство ¹⁾). Упрямство — вотъ формула, при помощи которой аллегорически объясняются устройство и аксессуары «града Дита», гдѣ казнятся дантовскіе еретики: и самый городъ, и образы Горгоны и Медузы—символы упрямства, умственного коснѣнія ²⁾; фурія — душевныя волненія, отвѣчающія этому состоянію духа.— Боккаччо не написалъ бы теперь своей сатиры на «инквизитора нечестивой ереси» ³⁾).

Другой путь, которымъ онъ подходитъ къ выясненію внутренняго смысла Божественной Комедіи, намѣченъ его пониманіемъ ада ⁴⁾). Хожденіе по тремъ загробнымъ царствамъ только оболочка, весь процессъ понимается психологически, какъ совершающійся въ человѣческомъ микрокосмѣ ⁵⁾: это тревожная повѣсть челоѣка, выходящаго изъ ада пороковъ и заблужденій ⁶⁾, путемъ познанія и помощью благодати, къ постепенному очищенію и прозрѣнію высшаго блага. Пороки — это звѣри, заступившіе путь Данте въ началѣ его аллегорическаго хожденія ⁷⁾; Виргилій — это разумъ или благодать содѣйствующая ⁸⁾; *donna gentile* — молитва, Лучія — божественное милосердіе ⁹⁾, Беатриче, которая въ началѣ труда отождествлялась съ теологіей ¹⁰⁾, является теперь спасающею благодатью ¹¹⁾. Всѣ образы пристраиваются къ этому психологическому процессу, не безъ обильныхъ втяжекъ; не только Ахеронъ понять, какъ аллегорія бѣдственной челоѣческой жизни, но и челнокъ Харона означаетъ наши вожденія, его весло — наши тревожныя заботы ¹²⁾ и т. д.

1) II, 211 слѣд.

2) II, 193 слѣд., 125, 203, 208. То-же у Петрарки въ канцонѣ къ Богородицѣ (*Medusa e l'error mio m'han fatto un sasso*). Сл. Franc. Cipolla, *La Medusa dell' Inferno dantesco*. Venezia, 1893.

3) Дек. I, 6.

4) Сл. выше стр. 566.

5) I, 248.

6) I, 190, 288, 290—1.

7) I, 251.

8) I, 188; Pietro Alighieri: *rationale philosophia*.

9) Pietro Alighieri: *gratia cooperans*. 10) I, 90 и Pietro Alighieri.

11) I, 247—8: *salvificante, beatificante*.

12) I, 282 слѣд.

Весь анализъ предполагаетъ грѣховнаго человѣка вообще, но въ особенности самого Данте. На этотъ путь личнаго объясненія вступилъ уже сэръ Граціоло¹⁾; Боккаччьо приготовленъ былъ къ нему со времени дантовской біографіи, когда вмѣнилъ поэту порокъ сладострастія²⁾; комментарий давалъ къ тому поводъ, когда Боккаччьо защищаетъ самосознаніе Данте, называющаго себя шестымъ въ сонмѣ великихъ поэтовъ древности³⁾, или говорятъ о его благородномъ негодованіи⁴⁾, или сообщаетъ мнѣніе⁵⁾, что подъ двумя праведными людьми во Флоренціи⁶⁾ Данте разумѣлъ себя и своего друга Кавальканти⁷⁾. Но обыкновенно состраданіе, *pietà* Данте къ грѣшникамъ вызываетъ оцѣнку его личности, обнаруживая вмѣстѣ съ тѣмъ христіанскій ригоризмъ толкователя. Общая точка зрѣнія та, что къ грѣшникамъ грѣшно сострадать; если поэтъ обнаруживаетъ жалость, то къ самому себѣ, въ сознаніи, что и онъ повиненъ въ тѣхъ порокахъ, которые предстали ему въ образѣ аллегорическихъ звѣрей⁸⁾. И вотъ онъ самъ заподозрѣнъ въ сладострастіи⁹⁾, въ томъ, что порой чревоугодничалъ¹⁰⁾, склоненъ былъ къ любостыжанію¹¹⁾, гнѣву¹²⁾; грѣшенъ-ли онъ былъ въ содоміи — объ этомъ авторъ представляетъ судить другимъ, хотя Данте и сжалился надъ содомитами¹³⁾, какъ разжалобился, слушая рѣчи Пьеро делле Винье—въ предчувствіи, что и самъ онъ станетъ жертвой зависти¹⁴⁾.

1) Росся, I. с., стр. 56.

2) Сл. выше стр. 292, 308.

3) I, 337—8; сл. *Conv. tratt. I, c. 2.*

4) II, 144.

5) *Alcuni... vogliono dire.*

6) *Inf. VI, 73.*

7) II, 14.

8) I, 185.

9) II, 474, 490—1.

10) I, 9—10.

11) II, 54—5, 59.

12) II, 281.

13) II, 432.

14) II, 841.

Толкуя пророчество Брунетти Латини¹⁾, Боккаччо говоритъ о неувыдающей славѣ Данте; онъ самъ глубоко проникнуть этимъ убѣжденіемъ, но образъ поэта и человѣка выходитъ у него тусклѣе прежняго, нѣтъ графической опредѣленности того идеала, который онъ изобразилъ въ своей біографіи. Онъ расплывается въ мелочахъ, и тому причиной не одна лишь разбросанность комментарія, и притомъ комментарія недосказаннаго. Если-бы онъ былъ дописанъ, онъ достигъ-бы грандіозныхъ размѣровъ, но мы едва-ли бы отъ того выиграли: это старческій трудъ, любовно словоохотливый, педантски обстоятельный; сводъ чтеній и житейскихъ взглядовъ, окрашенный болѣзненнымъ ригоризмомъ — ибо страхъ смерти рѣдко позволяетъ намъ логически досказаться до конца нашего интеллектуальнаго развитія и незамѣтно сводить его къ покаянному настроенію; а мы знаемъ, что у Боккаччо этотъ поворотъ намѣченъ былъ съ половины 50-хъ годовъ. Кромѣ того комментарий былъ, очевидно, и не выработанъ окончательно: остались двадцать четыре тетради и четырнадцать тетрадокъ — можетъ быть, замѣтокъ и выдержекъ. Эти подробности раскрываются намъ изъ ссуднаго дѣла, начавшагося между наслѣдниками Боккаччо 20-го февраля 1376-го и рѣшеннаго 18-го апрѣля слѣдующаго года.

Мы знаемъ²⁾, что онъ завѣщалъ свою бібліотеку брату Мартину изъ Синьи; комментарий были въ работѣ и могли не считаться въ составѣ бібліотеки; такъ понимали дѣло нѣкоторые изъ исполнителей духовной, между прочимъ братъ Боккаччо, Яковъ, тогда какъ братъ Мартинъ показывалъ, что тѣ тетради принадлежатъ ему, какъ вѣдающему книгохранилище. Въ виду этого разногласія Яковъ передалъ тѣ тетради, съ согласія брата Мартина, одному изъ исполнителей завѣщанія, Франческо ди Лапо ди Бонамики, съ тѣмъ, чтобы онъ и два другіе исполнителя, Бардуччо ди Кериккини и Аньоло Торини,

1) II, 410.

2) Сл. выше стр. 96, 551.

порѣшили между ними спорный вопросъ; но братъ Мартинъ не пожелалъ подвергнуться ихъ рѣшенію, ибо имъ не довѣрялъ; вслѣдствіе этого Яковъ обратился къ суду съ просьбой вернуть ему тѣ тетради, стоимость которыхъ онъ оцѣнилъ въ восемнадцать флориновъ золотомъ, или и болѣе. Спрошенный на судѣ, отвѣтчикъ показалъ, что дѣйствительно тѣ тетради переданы ему на храненіе, но что отдать ихъ онъ не можетъ, пока не порѣшено будетъ, кому они принадлежать; въ случаѣ-же рѣшенія просилъ, чтобы каждому изъ исполнителей завѣщанія предоставлено было снять съ нихъ копію. Такъ какъ изъ пяти человѣкъ двое были сторонѣ Якова, судъ рѣшилъ дѣло въ его пользу ¹⁾.

II.

Болѣе, чѣмъ эта внѣшняя исторія боккаччевскихъ чтеній, насъ интересуетъ впечатлѣніе, произведенное ими на слушателей. Въ числѣ ихъ находился, по его собственному показанію ²⁾, Бенвенуто Рамбальди изъ Имолы (род. м. 1336—40-мъ гг., † 1390), изъ младшихъ гуманистовъ перваго поколѣнія, хотя и съ значительной средневѣковой подкладкой, авторъ двухъ компилятивныхъ трудовъ по римской исторіи ³⁾, комментаторъ *Виргилія* и трагедій *Сенеки*, *Фарсалий Лукана* и *Валерія Максима*, *Петрарковыхъ* *эклогъ* и *Божественной Комедіи*, которую въ 1375-мъ году онъ публично толковалъ въ Болоньѣ.

Вліянія Боккаччевскихъ чтеній на его комментарий свѣже, хотя неравномѣрно: онъ повторяетъ, слѣдомъ за Боккаччевской *Vita di Dante*, легенду о нахожденіи первыхъ семи пѣсенъ *Ада* ⁴⁾ — безъ позднѣйшей оговорки автора ⁵⁾; ссылается на *De Montibus*

1) Manni, *Storia del Decamerone*, P. I, стр. 104—6.

2) *Comm.* V, 145.

3) *Romuleon* и *Augustalis libellus*.

4) *Comm.* I, 274.

5) Сл. выше стр. 563.